

18+ Лена Романова

Старая дева

Лена Романова

Старая дева

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55338330

ISBN 9785449880598

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Полина – типичная хорошая девочка из хорошей семьи. Предполагается, что после университета она вернется в родной городок, найдет работу, выйдет замуж, родит детей и проживет такую же жизнь, как ее родители. Но довольно скоро Полина обнаруживает, что сценарий, прописанный «правильными» родителями, не работает в ее жизни. Учеба заканчивается, родители разводятся, любимый мужчина разрывает отношения, и Полине предстоит не только найти свое место в жизни, но и обрести мир с самой собой.

Содержание

Часть первая	5
Часть вторая	62
Конец ознакомительного фрагмента.	63

Старая дева

Лена Романова

© Лена Романова, 2020

ISBN 978-5-4498-8059-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая

1

Это была моя последняя осень. Теплая, солнечная, до боли щемящая в своем увядании. Я пыталась надышаться ею напоследок. В середине октября я умерла.

В конце лета я уехала к родителям переживать крах личной жизни. Целыми днями бродила по парку, вдоль озера, впитывая каждой своей частичкой этот воздух, эту красоту, эту торжественность последнего момента. Мы были едины – я и осень. Моя отмирающая душа слилась с отмирающей природой, обе еще восхитительные в прощальной красе и величественности, но уже безнадежные.

Он укатил в столицу и даже не попросил ждать его. Почему-то я ожидала от него требований любви и верности, а он просто легонько обнял меня на прощание и уехал. Даже не поцеловал. Это очень настораживало. Нет, это сводило с ума. В моем представлении, мужчина, отправляющийся в армию, на войну, на поиски лучшей жизни, должен был непременно добиться клятв в вечной любви и верности. Он должен был поручить друзьям и родным оказывать всяческую поддержку его девушке и блюсти ее моральный облик.

Однако он не сказал ни слова. По-моему, все провожающие были удивлены, но, не сочтя уместным задавать вопросы, просто пожали плечами и разошлись по домам.

В этот год я окончила университет. Перспективной работы по специальности не предвиделось, своего жилья не было, денег тоже, мужчина при расставании даже не поцеловал меня. Будущее представлялось большой черной дырой. Да, да, да, нужно было бороться, искать пути, заявлять о себе в приемных крутых офисах, пробиваться в большом городе и делать еще много важных вещей. Но не было никаких сил. И я уехала к родителям. Подумать о жизни, о себе, о том, куда двигаться дальше, переосмыслить отношения с Максимом и найти что-то, за что можно зацепиться. Тогда я еще не знала, что в некоторых случаях надежду нужно убивать первой. Чтобы не становиться свидетелем ее мучительной агонии.

Я понимала, что назревает кризис. Дни напролет я топтала опавшую листву в парке и размышляла. О будущем. О прошлом. Только не о настоящем. О настоящем было думать слишком страшно. Возникало слишком много вопросов, и не находилось ни одного ответа.

Вопросы были разные. Социально-политические: почему в нашей стране молодой дипломированный специалист никому не нужен, и никто не спешит предложить ему работу, жилье и денег на первое время? Философские: быть или не быть? Житейские: как быть? Глобальные: почему Максим

не поцеловал меня на прощание?

От него не было вестей весь месяц. Я сходила с ума от своих мыслей. Что происходит? Он занят? Подавлен свалившимися неприятностями? Удручен и не хочет меня огорчать? С головой ушел в водоворот новых впечатлений? Или он просто устал и хочет подумать? Может, мне просто стоит ему позвонить?

В душе бушевала гражданская война, раздиравшая меня на части. Все мои убеждения, почерпнутые в популярных женских журналах, ополчились друг против друга.

– Ты слишком покладистая! Не умеешь заявить о себе!

– Ты слишком вздорная. Нужно уметь приспособливаться!

– Ты слишком гордая. Надо всего-навсего взять трубку и позвонить.

– Ты просто тряпка. Женщине неприлично бегать за мужчиной.

– Ты должна хранить верность даже без его требований.

Он оценит это.

– Ты ничего ему не должна. Пусть поволнуется.

По десять раз на дню они хватали друг друга за горло и пытались переорать. А я медленно сходила с ума. Окончательно запутавшись, собралась с духом и позвонила Максиму.

И стало еще хуже. Его голос был ровный, спокойный. Никаких эмоций. Ни слова о том, что он скучает. Короткий отчет о достигнутом. Пока-пока.

Я устроила истерику. На берегу озера. Дома не получилось. Потому что Дома не было: именно в этом году родители решили развестись и разменяли квартиру. Теперь у нас были две квартиры, заваленные до потолка мебелью, коробками и всяким мусором. Нужно было чистить, драить, разбирать, находить каждой вещи свое место. Но я была не в состоянии навести порядок даже в собственной душе.

– Ты не должна была звонить! – верещала моя внутренняя Гордая женщина. – Это унижительно навязывать мужчине свое общество. – Гордая женщина была яростной противницей всяческой женской инициативы.

– Мне необходимо было узнать, как у него дела, – оправдывалась мисс Неуверенность.

– Можно было подождать, пока он позвонит сам, – предлагала компромисс Разумная женщина. Она часто подавала мудрые советы, но никогда не учитывала чувства. А в делах подобного толка чувства определяют всё.

– А вдруг он решил бы, что я о нем забыла? – причитала мисс Неуверенность.

– Тебе нужно доказать ему, что у тебя все в порядке, – заявляла Гордая женщина. – Это он должен волноваться.

– А если он не волнуется? И совсем мною не интересуется? – вздыхала мисс Неуверенность.

– Тогда тебе следует жить собственной жизнью. Встретаться с друзьями, искать работу и жилье. Почему ты до сих пор не занялась этим? – в тысячный раз взялась за меня Ра-

зумная женщина.

– Потому что я устала, я замучена и больше ничего не хочу от жизни. Я просто не выдерживаю подобной эмоциональной нагрузки! – подала голос Нервная особа. – Наверно, моя жизнь на исходе.

Пока что на исходе был только первый месяц с отъезда Максима. Я так ничего и не решила. Ехать в Омск? Или в Москву? Остаться здесь? На что жить? Где жить? Как найти работу? Ждать Максима или устраивать личную жизнь с кем-то другим? Слишком много вопросов. Слишком. И не было никого, кто бы давал ответы.

Родители делили кота. Детей они уже поделили. Их было двое. Вполне взрослых, но совершенно несамостоятельных. Кот был один. Шести лет отроду, но самостоятельный за всех четверых. Мама хотела, чтобы кот жил у папы. Папа хотел, чтобы кот поселился у мамы и приходил к нему в гости по воскресеньям. Сестра мечтала оставить кота у себя, но не имела жилищных условий и разрешения коменданта общежития. Мне было все равно. За это меня обвинили в нежелании принимать участие в делах семьи. Звучало это сродни измене родине.

Странно, семьи уже не было, а ее дела оставались.

В результате кот обосновался у бабушки. В прописке он, в отличие от меня, не нуждался. Правда, мне она тоже была не нужна. Она была нужна совершенно посторонним лю-

дям, потому что жить без адреса в нашей стране нельзя. Пришлось ехать в районный центр получать паспорт с новой пропиской.

Бабушка воевала с котом, привыкшим по несколько раз за ночь проситься на улицу и обратно (вот уж кто не имел проблем в личной жизни!), пила валидол и твердила, что настали последние времена. С каждым днем я верила ей все больше.

Мама каждое утро спрашивала, что я намереваюсь делать дальше. Я каждое утро придумывала очередной план действий, и она уходила. Папа спрашивал то же самое, но по вечерам. Он не мог идти спать, не устроив допрос с пристрастием. Каждый вечер он с видом прокурора вставал в дверях и задавал одни и те же вопросы, словно пытаюсь засыпать меня на противоречивых показаниях. Его интересовало, где я намерена жить, где работать и на какие средства существовать. Меня тоже это интересовало. Под конец он желал знать, почему я до сих пор не вышла замуж. Если бы у меня был муж, папа простил бы мне отсутствие ответов на все остальные вопросы. (Потому что тогда бы они не входили в его ведомство).

Через месяц моего брожения по паркам и озерам пришло письмо от Максима. Он разрывал отношения, потому что не видел их будущего. А в свете расстояния и времени, разделяющих нас, не видел смысла решать проблему. И вообще чувства уже не те, и он хочет быть один.

Я не могла возразить. Я не могла протестовать. Я не могла устроить ему истерику со слезами, мольбами и проклятьями. Он находился за две тысячи километров, и все страсти остыли бы за две недели почтового пути. Он все очень хорошо продумал. С момента написания письма прошло десять дней, и если бы он пожалел о своем решении за эти десять дней, он бы давно позвонил мне и попросил не открывать письма. Но он не позвонил. Он не пожалел о своем решении. Он больше не хотел связывать со мной свою жизнь, и его не интересовало мое мнение по этому поводу. Но я все равно написала ответное письмо. От отчаяния. Впрочем, когда он его получил, меня уже не было в живых.

2

Говорят, что у нас теперь свобода нравов. Говорят, что мы приблизились к Европе. Говорят, что у нас женщина вполне независима от мужчины.

В Европе, как известно, в брак вступают в возрасте под тридцать, и то после этого пытаются пожить «для себя», обводясь «цветами жизни» на исходе детородного периода. Почему бы нам не ввести эту добрую традицию? Почему у нас до сих пор незамужнюю девушку старше двадцати двух воспринимают как потенциальную старую деву? Если не верите, попробуйте приехать в небольшой городок в средней полосе России и сказать, что вам двадцать шесть (тридцать

два, тридцать восемь, сорок четыре) и вы никогда не были замужем. Окружающие посмотрят на вас как на увечную и задумаются, что с вами не так. Женщина имеет право уйти из дома в шестнадцать лет, получить любое образование, снять или купить квартиру, найти любовника или спонсора, сделать модельную карьеру, стать директором фирмы и обеспечить себе материальную независимость. Она вправе делать что угодно. Но не имеет морального права не выходить замуж. Два развода в двадцать семь лет – это нормально. А в двадцать семь лет быть незамужней – это какой-то непорядок.

Так заведено. В пятнадцать лет у тебя должен быть мальчик. Уже все подружки дружат с мальчиками, и у тебя тоже должен быть. Просто обязан. Вынь да положь. Иначе ты какая-то не такая, как все. В восемнадцать лет ты должна иметь жениха или хотя бы несколько кандидатур в женихи. Если нет, то подруги считают тебя неудачницей, парни не хотят к тебе приближаться (кому нужна девчонка, на которую никто не обращает внимания!), родители обвиняют в излишней разборчивости. Ведь каждому понятно, что главная задача девушки – выйти замуж. Она усваивает это с младенческих лет и четко следует заданной программе. Во время учебы в институте необходимо ее осуществить. Крайний срок – окончание пятого курса. Хотя не исключено, что заботливая родня и знакомые уже не раз спрашивали: «Когда ты, наконец, выйдешь замуж?» Особенно на чужих сва-

дьябах. Так что если вам двадцать четыре, и вы не замужем, то лучше не появляться на массовых собраниях родственников. Каждая троюродная тетушка, которую вы видели последний раз десять лет назад и примерно через столько же увидите в следующий, задаст этот вопрос. И попробуйте заявить, что вас устраивает ваше незамужнее положение. Да кто вам поверит! Вы просто не хотите выглядеть жалкой неудачницей. Разве можно не хотеть замуж? Ведь замужество – это необыкновенная благодать, дар свыше и награда за особые заслуги перед Небом. Именно потому многие пытаются выходить замуж не по разу.

Из отрочества я вынесла две истины – книжную и житейскую. Книжная заключалась в том, что на свете существует великая и вечная Любовь, наполняющая жизнь смыслом и являющаяся в образе принца на белом коне. Житейская подводила к мысли, что в глазах общественности много больше уважения заслуживает женщина, которая замужем, нежели та, у которой мужа нет. Эти две идеи прекрасно сочетались между собой. Поэтому я много лет ждала, пока наконец появится принц и принесет в мою жизнь Любовь, возьмет меня в жены, и мы будем жить долго и счастливо до конца дней. Это была прекрасная цель для романтической особы тринадцати лет.

К двадцати годам я прочитала гору книжек о том, как завоевать мужчину, как удержать мужчину, как его женить

на себе и даже как от него избавиться. (Теорию избавления я приберегла на крайний случай, если вдруг мой выбор окажется на редкость неудачным). Поскольку моя мама в молодые годы думала только об учебе, постигать науку охоты на мужчину ей было некогда. Тем более недостаток знаний и опыта в деле привлечения поклонников ей компенсировали эффективные внешние данные. А когда после окончания института, как снег на голову, свалился папа с предложением руки и сердца, она просто смирилась с неизбежным и вышла замуж. У нее ведь тоже была родня, которая не могла спокойно спать, зная, что она рискует остаться в старых девах!

В любом случае в родительском доме я не почерпнула никакого руководства по отлову мужчин в целях создания семьи. По маминому представлению, женихи брались просто ниоткуда, сами по себе, без всякого женского участия и желания. По папиному мнению, женихи старательно бежали от нахальных крашенных девиц, которые пытались их завлечь в сети брака, и искали опять же в целях брака скромных студенток, вышивающих крестиком у окна.

Я исправно училась, вышивала крестиком, но женихи не появлялись. Тогда я активно начала восполнять недостаток родительского воспитания полезными советами из глянцевого журналов и рассказов подруг.

Через несколько лет «обучения» я доподлинно знала, что мужчины:

- не одобряют женскую инициативу;

- одобряют женскую инициативу;
- любят стройных женщин;
- любят полных женщин;
- предпочитают независимых женщин;
- предпочитают женщин, которые бы целиком зависели от них;
- любят, когда женщина активна в разговоре;
- не любят, когда женщина много болтает;
- западают на кокетливых женщин;
- не выносят кокетства;
- хотят, чтобы их девушка вызывала зависть и восхищение у всех друзей;

- хотят, чтобы их девушка была верной и никогда не строила глазки их друзьям.

В общем, мужчины оказались крайне противоречивыми существами, которые сами не знают, что хотят. Я сидела на диетах, стараясь при необходимости выглядеть аппетитной пышкой; я проявляла инициативу и извинялась за нее; я кокетничала, а потом строила из себя недотрогу; я пыталась быть верной своему спутнику, надевая неприлично короткую юбку; я делала вид, что у меня куча важных и серьезных дел, и откладывала их по первому зову очередного приятеля. В конце концов, я даже научилась болтать за двоих, когда он был неразговорчив, и молчать вечер напролет, когда ему была нужна покрасоваться в обществе. Я обесцветила волосы, потому что все мужчины предпочитают блонди-

нок; я перестала сидеть в библиотеках, потому что мужчины не любят умных женщин, и прекратила есть, потому что все хотят, чтобы рядом была Барби. В результате я испортила волосы, отстала в учебе и заработала гастрит. Но замуж так и не вышла.

Я пыталась понять свои ошибки. Часами ковырялась в себе. Примеряла все новые маски и искала манеру поведения, которая устроила бы любого мужчину хотя бы на первых порах, пока я разберусь, что именно ему нужно. Терзала подружек на тему «что во мне не так?!».

– Ты слишком разборчивая. Тебе нужно снизить критерии, – говорила Юлька, имевшая фантастическое количество поклонников, и я начинала каждого нового знакомого воспринимать как самого главного мужчину в своей жизни, выискивая в нем черты принца и оправдывая или смягчая недостатки. Потом я становилась сама себе противна и бежала прочь от очередного лягушонка, так и не обернувшись принцем.

– Ты не там бываешь, нужно ходить не в театры и библиотеки, а в места скопления мужчин, – советовала Алька, и я начинала вместе с ней активно посещать дискотеки, кинотеатры, компьютерные клубы, кафешки и спортивные мероприятия. Но, безмерно устав от такой деятельной жизни, я сбегала домой и по неделе отсиживалась на кровати с книжкой.

– Мужчины ценят тех, кто разделяет их интересы, –

с убежденностью заявляла Светка. В свои двадцать шесть она жила с третьим мужем и время проводила восхитительно разнообразно. Я следовала ее совету, и в моей жизни появлялись горные лыжи, компьютерные игры, политические партии, китайский язык и джаз. Потом все это мне смертельно надоедало, и я бросала модные хобби вместе с их носителями.

А так хотелось просто встретить нормального мужчину, который сразу поймет, что ему нужна именно я. Чтобы не нужно было из кожи вон лезть, добиваясь его любви, и жить в вечном страхе допустить роковую ошибку и разрушить столь долго и осторожно создаваемые отношения. Очень часто, потерпев очередную неудачу и разочаровавшись, я хотела послать всех мужчин подальше и не иметь с ними больше дела.

Но посылать мужчин не полагалось. Ведь задача любой нормальной девушки – выйти замуж. Теперь эта идея уже не сочеталась с мечтой встретить прекрасного принца. Потому что принц неизвестно когда появится (если вообще появится), а часы тикают. Как ни крути, а с каждым годом остается все меньше холостяков среди сверстников, а уж среди тех, кто старше, и подавно. Круг сужается, выбор остается между неважным и плохим, значит, придется все больше снижать требования, на многое смотреть сквозь пальцы...

Я уже было совсем отчаялась, но судьба оказалась ко мне благосклонна и послала в мою жизнь настоящего принца.

Мы познакомились на свадьбе у общих друзей. Я оканчивала пятый курс, почти все мои подруги уже вышли замуж или собирались связать себя узами брака в ближайшее время. Родители считали, что у меня все шансы закончить жизнь старой девой. Я разделяла их мнение. Мужчине исполнилось двадцать шесть, у него тоже уже не осталось холостых приятелей, и его родня боялась, что он никогда не женится. Допекаемые родней и друзьями, мы поспешили объединиться в пару, чтобы успокоить общественность и обрести большую и чистую любовь.

Мне просватали его еще задолго до знакомства. Сказали, что он замечательный человек и что из нас получится идеальная пара. Потому что меня тоже считали замечательным человеком. Я была хорошего воспитания, умела производить благоприятное впечатление и говорила то, что люди хотели слышать, а этого было вполне достаточно. Не то чтобы я была отъявленной лицемеркой, скорее наоборот, я искренне хотела всем нравиться и так отчаянно искала всеобщей любви и признания, что не заметила, как растеряла по крупицам самое себя и превратилась в очень гибкий и расплывчатый персонаж, который мог угодить практически всем.

Я согласилась быть его женой, еще не видя его в глаза. Судя по рассказам, это был добрый, интересный, порядоч-

ный и располагающий человек. К тому же холостой и на данный момент не имеющий девушки. Я до того была измучена поисками Главного Мужчины Своей Жизни, что не возражала, чтобы меня просто отдали замуж за хорошего человека, которого я увижу только в день свадьбы. Иногда я всерьез жалела, что у нынешних родителей нет больше обычая подыскивать подходящего мужа для дочерей: слишком большая ответственность возлагается на юных девушек при таком маленьком жизненном опыте.

Когда нас познакомили, я не размышляла, красив он или нет, тянет меня к нему или не тянет. В конце концов, что значит внешняя привлекательность по сравнению с внутренними достоинствами человека! Мне было почти двадцать два, и я считала, что в таком возрасте неприлично оценивать мужчин по внешности. Все мы влюблялись в актеров, певцов и самых красивых мальчиков школы. Но то было в пятнадцать лет. А в двадцать два нужно выходить замуж. Тебе могут нравиться высокие брюнеты, а выйдешь за невысокого блондина и вполне мирно проживешь с ним всю жизнь.

Максим оказался нормальным парнем рядовой внешности, нормального роста и телосложения. Поговорив с ним минут двадцать и убедившись, что он не заика, не зануда и не понтодел, я решила, что он мне нравится. Если все, что о нем говорили, правда, то я, пожалуй, согласна.

Он казался правильным до мозга костей. Школа с медалью, вуз с отличием, двумя годами раньше закончил ме-

дицинскую академию и теперь усердно трудился в одной из лучших больниц города. Его карьера обещала быть безоблачной. Не клеилась только личная жизнь. Все друзья детства, одноклассники и однокурсники были давно женаты, он же, воспитанный властной мамой, побаивался и брака, и отцовства, и женщин вообще.

Все в его жизни было настолько правильно, а репутация настолько безупречна, что знакомые просто терялись в догадках, почему он до сих пор не женат. Каждый объяснял это по-своему. Одни – трагическим концом большой любви в юности, другие – неразделенной любовью в недавнем прошлом. Мне называли имена девушек, которые потенциально могли разбить его сердце. Моя же задача, по всеобщему разумению, заключалась в том, чтобы исцелить его раны, восстановить веру в любовь и женщин и, конечно же, женить на себе. Этого желали его друзья, коллеги и родственники. По их мнению, идеальный человек не мог не хотеть обзавестись женой и детьми, его просто нужно было аккуратно к этому подтолкнуть. Поэтому у меня внезапно оказалась целая армия союзников, и я этому невероятно радовалась, ибо вера в собственные силы за годы неудач сильно поколебалась. Но, как я убедилась впоследствии, армия союзников больше навредила делу, чем помогла.

Наверное, это была любовь. Мы оба, уставшие от одиночества и долгих ожиданий своей половинки, сильно привязались друг к другу. Почти сразу же он сказал, что для то-

го, чтобы нравиться ему, мне необязательно быть Барби, потому что он ценит в женщине духовную красоту. Он разрешил мне быть умной, потому что сам был не дурак, он позволил мне высказывать свою точку зрения, иметь собственный круг интересов и друзей. Я прониклась к нему теплом и нежностью. Хотя, конечно, не расслабилась. Опыт женщин всего мира подсказывал, что мужчина, заявляющий, что ему нравится полнота его девушки, мгновенно западает на длинноногую стройняшку, стоит той возникнуть в дверном проеме. Да, наедине с вами он может часами говорить о том, что предпочитает умных брюнеток, но дайте ему шанс закадрить белокурую идиотку – и он его не упустит.

Из моего отношения к Максиму довольно быстро исчезли расчетливые мотивы. С ним было интересно, он был замечательный собеседник и открыл мне целый мир увлечений и занятий, которые я пропустила в погоне за женихами. Первое время мы почти не расставались. Он познакомил меня со своими друзьями, и я узнала девушек, катающихся на горных лыжах, изучающих китайский язык и посещающих джазовые концерты совсем не потому, что этим занимаются их парни. Это были их собственные увлечения. Они позволяли себе роскошь жить собственной жизнью и иметь собственные интересы и при этом не были феминистками и мужененавистницами.

Через месяц наших безоблачных отношений я всерьез полюбила его, и больше всего на свете мне хотелось быть с ним

и любить его всю оставшуюся жизнь. Идея о своевременном замужестве и о прекрасном принце снова сплелись в одно целое, и брак с любимым человеком казался естественным продолжением отношений.

О свадьбе я мечтала едва ли не с пятилетнего возраста. Впрочем, как, наверное, любая девочка, которая играет в куклы и дочки-матери, а не лазает по деревьям с мальчишками. По мере того, как я выросла и все яснее осознавала свою основную задачу, картина предстоящей свадьбы приобретала все большую четкость и определенность. Мне нравилось придумывать себе платья, прически, букеты, я охотно просматривала свадебные фотографии подруг и журналы свадебной моды. Годами я мысленно отбирала все самое изысканное, романтическое, торжественное, по крупицам черпая отовсюду полезную информацию. В старших классах я полюбила жанр американской романтической комедии, который неизбежно предполагал обязательную свадебную церемонию, хотя бы в эпизоде, и прониклась духом западного свадебного торжества. Русский вариант с выкупом невесты, пьянкой, дракой и пошлыми конкурсами претил мне совершенно. Все должно было быть чинно, благородно и вполне интеллигентно, а главное – как следует продумано. Вот я и продумала все заранее. Букет, фасон платья, прическу, церковь, где мне хотелось бы венчаться, гостей, которых мне приятно будет видеть на своей свадьбе, и даже город, куда бы

мы могли поехать в медовый месяц. Для полноты картины не хватало только жениха.

Помню, Левин из «Анны Карениной» не мог себе представить любовь к женщине без брака, он представлял сначала семью, а потом уже женщину, которая даст ему эту семью. Так и я воображала себе свое замужество в деталях и лишь смутно – второго персонажа этой пьесы. Это можно сравнить со свадебной фотографией, на которой есть праздничный стол, цветы, гости, свидетели, невеста в белом платье, жених в черном фраке. Вот только на месте лица у жениха окошечко, и можно подставить любого человека, чтобы картина выглядела законченной.

Я уже слышала звон колоколов и бокалов, шуршание платья, видела себя – белую и воздушную, похожую на принцессу из сказки... Вот только время воплощать все эти идеи в жизнь никак не наступало.

Конечно, мы никогда не обсуждали с Максимом эту тему. Кто же говорит о свадьбе после пары месяцев знакомства! Одно из главных правил охоты на мужчину – ни слова о браке. Даже если ты только об этом и думаешь. Как известно, все мужчины страшно боятся потерять свободу и независимость. Они боятся брака так же сильно, как женщины стремятся к нему. Поэтому процесс ухаживания – это очень сложная игра двух умных и осторожных людей. Никогда не знаешь, кто выйдет победителем: она – заманив его

в ЗАГС, или он – затащив ее в постель. Женщины, позволившие завлечь себя в постель без гарантий последующего ЗАГСа, считались проигравшими. Впрочем, они могли взять реванш, забеременев. И пусть мужчина в наше время не обязан жениться на соблазненной им особе (хотя это еще вопрос, кто кого соблазнил), в моем окружении нашлось очень немного мужчин, которые отказались.

Конечно, у такого брака очень мало шансов стать благополучным. Но кто говорит о счастливом замужестве, когда наставляет (науськивает?) юную девушку! Ее задача во что бы то ни стало выйти замуж хоть за кого-нибудь, лучше уж плохонький мужичонка, чем вообще никакого. Он может пить, поколачивать, не доносить деньги до дома, не обеспечивать семью или не иметь работы вообще, вечера напролет пить пиво с мужиками в гараже и совершенно не принимать участия в семейных делах – мы его отругаем, отmaterим, примем карательные меры, на недельку выгоним из дома, но только попробуйте кто-нибудь положить на него глаз! Все космы выдерем! Потому что МОЕ! А ты иди и ищи своего мужика, шалава. И чужого не тронь!

Мне же в руки попал ничей клад. Некурящий, непьющий, образованный и перспективный – в общем, со всех сторон положительный молодой человек. Как он сохранился холостым до двадцати шести лет – просто уму непостижимо! Я подозревала влияние мамы, не желавшей выпускать сына из рук. Нет, она была всеми руками за его женитьбу, но при

этом не собиралась лишаться своих привилегий. Ей нужна была невестка, которая удержит Максима возле нее, а не заберет его из семьи. Мама была очень важным лицом. Имея мощное влияние на сына, она могла стать моим первым врагом или первым союзником. Значит, в первую очередь нужно было понравиться маме.

Такую возможность я получила почти сразу. Как человек изначально положительный и правильный, Максим представил меня родителям вскоре после нашего знакомства. Я ликовала. Ведь таким образом он подтверждал, что я для него много значу и намерения у него серьезные. Что поделаешь, в душе я продолжала оставаться наивной девочкой.

Мне не нужно было от него ни квартир, ни машин, ни денег, ни дорогих подарков. Я всей душой стремилась только к браку, даже не как к сделке, контракту, выгодному вложению в будущую стабильность и безопасность, а как к воплощению моих детских фантазий о большом уютном Доме, где нет ссор и скандалов, где никто не повышает голоса, где родители находят время для детей и живут в согласии между собой.

Впрочем, Максим и не имел ни денег, ни машин, ни связей. У него не было даже собственного угла. Он жил в двухкомнатной квартире с родителями, и мне, при благоприятном стечении обстоятельств, предстояло делить с ним его комнату и заранее отречься от кухни в пользу свекрови. Назвать это браком по расчету никак было нельзя. Я так и не на-

училась оценивать мужчин по их финансовым возможностям. И конкурировать с длинноногими стервами в коротких шубках и высоких сапожках я не могла и не хотела. Борьба за богатого поклонника была слишком жестокой игрой, которую я бы не потянула. Для этого у меня были недостаточно длинные ноги, излишне мятежное сердце и не в меру интеллигентное воспитание.

Зато Максим имел хорошие устремления в жизни. Мне они нравились, и я была готова разделить их с ним. Он собирался продолжать образование в столице, он разрабатывал какую-то новую систему медицинского обслуживания, с несколькими единомышленниками планировал открыть отделение бесплатной психологической поддержки пациентам с тяжелыми хроническими заболеваниями, мечтал съездить в Европу и поучиться у тамошних специалистов, он занимался горными лыжами и преподавал на младших курсах медицинской академии. Это был не просто очень увлеченный и деятельный человек – он был благороден и великодушен. Он был открыт для людей. Его носили на руках. Друзья его обожали. Он был врач от Бога. Он был друг от Бога.

Я смотрела на него с замиранием сердца. Мне казалось, я встретила самого чудесного человека на свете. Тогда я и предположить не могла, что наступят времена, когда я прокляну его великое Дело. Ибо его преданность Делу станет мешать личной жизни, а все нарастающая активность не оставит времени для меня. Пока же он всецело принадле-

жал мне, и будущее казалось безоблачным.

Наша романтическая идиллия продолжалась целых два месяца. Мы ходили в кино, сидели в кафе, бродили по паркам, катались на аттракционах и ели мороженое. Мы словно открывали для себя мир влюбленных. Вели бесконечные разговоры. Я знала о нем почти все, он обо мне – почти ничего. В этом состоял великий стратегический план. Чтобы стать для мужчины идеальной спутницей, нужно выяснить, что ему нравится, что не нравится, к чему он стремится, что ожидает, как относится к женщине и созданию семьи. И при этом необходимо оставаться загадкой для него, чтобы постоянно возбуждать его интерес. Правда, мне стоило немалых усилий сделать загадку из собственной жизни – так в ней все было просто и незатейливо. Десять лет в школе, пять лет в университете. Никакого опыта работы, никаких дальних странствий, никаких приключений. Увлечения все вымышленные, в угоду бывшим парням. В общем, биография на полстраницы.

Его жизнь была намного богаче и осмысленнее. Может, потому что у него не было цели выйти замуж, и он занимался только тем, что ему нравилось. Я была готова разделять все его интересы и следовать за ним куда угодно – в столицу, в Европу, в Сибирь. Его планы казались столь глобальными и важными, что мне очень хотелось стать частичкой его жизни, гармонично вписаться в круг его интересов и намерений. Потому что своих целей у меня почти не было, а свою

жизнь после замужества я представляла себе весьма смутно. Я как-то никогда не задумывалась о том, что если решения своей главной задачи девушка добьется в двадцать лет, то впереди останется еще целая жизнь, которую нужно на что-то потратить. Ну, видимо, закончить институт, найти работу, родить детей и воспитывать их. А потом выйти на пенсию. Мне было скучно думать о таком существовании. Я не любила об этом думать. В конце концов, когда я выйду замуж, у меня освободятся время и силы, чтобы поразмыслить, что делать со своей жизнью дальше.

И вообще я всегда мечтала о том, что придет мужчина и вместе с ним появится смысл жизни. То есть, у него должна быть великая цель, он женится на мне, и мы будем вместе ее осуществлять. Я буду его Музой, вдохновительницей и утешительницей, первым помощником и соратником. В общем, идеальной женой. Тогда он никогда меня не бросит и ни на кого не променяет. А если я рожу ему парочку ребятишек, то он привяжется ко мне еще больше.

Я понравилась его маме. Она не видела во мне угрозы.

Но она совсем не понравилась мне. Она слишком привыкла повелевать Максимом. Наверное, он был идеальным сыном. Слишком идеальным для вполне взрослого человека. Она постоянно внушала ему, что его задача – составлять ее счастье, ведь она слишком многим пожертвовала ради него. Я видела в ней угрозу. Потому что мне нужно было перепрограммировать Максима на то, чтобы он заботился

о моем счастье. Хотя бы вполовину мамино. Конечно, она не должна была об этом знать. Поэтому с ней лучше было жить в мире.

4

Кризис разразился через два месяца.

Максим отказался брать меня с собой в Москву. Это не входило в его планы. Я впервые столкнулась с тем, что у него могут быть планы, в которые я не вписываюсь и которые для него оказались важнее меня.

Увы, поездка в Москву была намечена задолго до знакомства со мной. Полагаю, что это был тщательно продуманный побег от мамы. Отделиться от нее здесь, в Омске, он не мог, ибо навлек бы на себя страшный гнев с ее стороны. Поэтому он сыграл на ее слабости: она очень переживала за его карьеру. Поскольку учеба и стажировка в столице не могли не сказаться на его дальнейшем карьерном росте, то она после недолгих боев сдалась. Максим рвался к независимости, ему хотелось попробовать пожить одному и при этом не мучиться из-за того, что мама не в состоянии без него повесить тюль на окна. Она очень хорошо умела манипулировать его чувством долга.

Мы были знакомы слишком мало, чтобы я могла заставить его менять решения. Я еще не успела стать неотъемлемой частью его жизни, не успела привязать его к себе настолько,

чтобы он не мыслил дальнейшего существования без меня. Я, конечно, надеялась, что он не захочет со мной расставаться и возьмет в Москву в качестве жены или хотя бы невесты, но он почему-то решил иначе. А ведь собирался уезжать на два года! Я решила, что он меня разлюбил, и смертельно обиделась. Мы чуть не поссорились.

Он объяснил, что едет наугад, не зная, как встретит его столица, и можно ли будет там зацепиться. Что он понятия не имеет, где будет жить и насколько хватит его небольших сбережений. Учебу ему оплачивает больница, но квартира, еда, проезд – все эти траты лягут на его плечи. Он вынужден будет вести очень скромную жизнь, ограничивая себя во всем, работать где придется, чтобы выжить. Он совершенно не представлял, что стану там делать я.

Я тоже не представляла. Да мне и не был нужен этот город. Разве что так, в виде экскурсии, на месяц, не больше. И то при наличии денег, чтобы можно было все объездить и все посмотреть. Собственно, Москва пленяла меня только своим громким именем, ведь я была даже не из Омска, а из провинциального поселка. Для меня жить в Омске – уже было круто. Мне просто доставляло удовольствие представлять, какие лица будут у знакомых, когда они узнают, что я теперь в Москве. Так высоко еще никто не замахивался. Подружки, вышедшие замуж, возвращались в родные городки и поселки, или оставались в Омске, или отправлялись за мужем по гарнизонам, не ведая, куда их занесет судьба. У меня

был такой замечательный, такой уникальный шанс поехать в Москву, а Максим не брал меня с собой.

Ну ладно, размышляла я, к черту Москву. Он мог поехать куда угодно: в Самару, Волгоград, Новосибирск. Разве я не последовала бы за ним? Нет, не столица меня прельщала. Столица была для красного словца. Для понта. Я не мыслила дальнейшей жизни без Максима. А он свою без меня мыслил. И, видимо, очень хорошо, если даже не подумал о том, чтобы пробиваться вместе. Я жалела, что вместо Москвы его не послали учиться в какой-нибудь Урюпинск. Тогда я бы непременно увязалась за ним и в этой глухомани сумела бы доказать свою любовь и преданность. В Урюпинск я бы могла поехать даже без его согласия, как жена декабриста. Сняла бы квартиру, нашла работу. В Москве этот номер провернуть не удастся. Москва – слишком большой, слишком опасный, слишком непредсказуемый город. И в нем он не будет чувствовать себя одиноким. Ведь там столько возможностей развеять тоску.

Эти возможности не давали мне спать ночами. Я видела длинноногих девиц, бары, казино, лимузины... Елки-палки, он же идеальный мужчина, у него же нет недостатков, конечно, его окрутят в два счета! Я страдала от ревности, и страдания мои были вдвое тяжелее оттого, что я не могла ему в них признаться. Нельзя говорить мужчине о своей ревности, чтобы он не заподозрил в тебе слабую нервную особу, недостаточно уверенную в себе. Мужчины не любят ревни-

вых женщин. Мужчины бегут от ревнивых женщин. Но заставить себя не ревновать мне никак не удавалось.

Порой я сомневалась, что он вернется из этой самой Москвы. Я еще раз попыталась завести разговор о совместном будущем, стараясь уверить его, что не стану ему обузой, что пойду работать и вообще займусь делом, что не боюсь трудностей. Это был, конечно, блеф. Трудностей я очень боялась. Если бы я их не боялась, то, может быть, вообще бы не собиралась замуж, начала собственное дело, сделала карьеру и обеспечила себя материально. Где работать в Москве, я тоже представляла себе крайне смутно, а поскольку опыта работы у меня вообще не было, то все еще больше усложнялось. Тем не менее желание следовать за Максимом и разделять его путь было искренним. Но и в этот раз он не захотел меня слушать.

– Ты пойми, – отмахнулся он, – эта затея еще вилами на воде писана, меня могут не отпустить, могут отказаться оплачивать учебу... И вообще до отъезда еще полгода, что ты поднимаешь шум раньше времени!

– Тогда не ездни куда и останься со мной, – попросила я.

– Всегда мечтал провести жизнь возле женской юбки! – разозлился Максим. – Вечно вы, женщины, пытаетесь опошлить самые благородные затеи! Знаешь, если из некоторых мужчин и получились отважные воины, путешественники и герои, то только потому, что они не поддались на женские слезы и слюни и не остались разводить кактусы на подокон-

нике. А я не желаю разводить кактусы, я врач и мое дело – служить людям.

Я тогда не поняла, что эта внезапная злость относится не ко мне, а к маме, просто я оказалась под рукой. Я ушла в слезах. Дня три отсиживалась дома. Думала, он меня потеряет, поймет, как я ему дорога и бросится извиняться. Но он не звонил. Я нарочно задерживалась после университета в читальном зале, чтобы он встревожился, когда придет меня встречать. Если бы у нас в общежитии был телефон, я сидела бы возле него. Но телефона не было, и я не отходила от окна, высматривая знакомую фигуру. Я рыдала в подушку, пугая себя тем, что все кончено, что его любовь оказалась короткой вспышкой страсти, что я ему не нужна ни здесь, ни в Москве, что я где-то недоиграла или переиграла и спугнула его.

С трудом я взяла себя в руки. Уговорила себя, что до его отъезда еще есть время и можно что-нибудь придумать. Постараться сильнее привязать его к себе. В конце концов, забеременеть. Но этот вариант казался мне слишком примитивным, и я пока отложила его. В любом случае, я решила больше не затрагивать болезненную московскую тему и попытаться снова стать идеальной девушкой – тщательнее следить за внешностью, быть милой, ласковой и разделять его интересы. Может, тогда он перестанет видеть во мне угрозу своим планам.

Поскольку Максим так и не появлялся, мне пришлось на-

рушить древний кодекс девичьей чести и позвонить самой. Он был спокоен и приветлив. Сказал, что рад меня слышать, и мы договорились пойти на неделе в кафе.

Разгоралась весна, пора любви и всеобщего возрождения, и я пообещала себе быть пайнкой и ничем его больше не раздражать.

5

Я заканчивала учебу в университете. Вернее, учеба заканчивалась без меня. У меня просто не хватало моральных и физических сил принимать в этом хоть какое-то участие. Диплом, к счастью, был написан еще на четвертом курсе, до знакомства с Максимом, в несвойственном мне порыве энтузиазма, и нуждался лишь в незначительной доработке. В этом году я бы его просто не написала.

Это была самая тяжелая весна в моей жизни. Не из-за учебы. Если бы я еще уделяла внимание учебе, я бы просто сошла с ума. Отношения с Максимом выматывали меня, выжимали, как лимон. Он постоянно что-то выкидывал, я все проглатывала без ропота из страха потерять его, и это требовало зверских энергозатрат.

Из наших отношений ушло очарование первых недель. После того тяжелого разговора о Москве он словно очнулся и вспомнил, что у него есть другие дела, кроме меня. Я жалея, что дала ему передышку в несколько дней. За то вре-

мя, что меня не было рядом, он успел переоценить свои приоритеты, и мне пришлось подвинуться с первого места. Я еще не знала, насколько далеко, но мое большое самолюбие требовало восстановления статуса. Я винила себя, что завела злополучный разговор о Москве, волей или неволей навевая мужчине на подозрение, что пытаюсь женить его на себе и разрушить планы, которые он вынашивал задолго до меня. Если бы я могла повернуть время вспять, я бы и не заикнулась о Москве. Дура, идиотка, ругала я себя, кто же навязывается парню в спутницы жизни после двух месяцев знакомства! Я его спугнула, спугнула, спугнула. Душевное равновесие не восстанавливалось.

Он работал, как истинный трудоголик. Он дневал и ночевал на работе. Мне стало ясно, почему он до сих пор не женился. Работа была его первой и единственной любовью. Вне работы не существовало ничего. Люди, трудившиеся вместе с ним, были ему дороже меня. Да, вечерами он приходил ко мне, приносил цветы, говорил о любви, но внезапно раздавался звонок сотового – и через пять минут, наспех поцеловав меня, он мчался в другой конец города.

– Неужели он настолько предан своему делу, что хочет раздать себя всего? – удивлялась моя мама. – Я видела в жизни немало хороших врачей, но если столь рьяно служить людям в двадцать шесть лет, то что от него останется к сорока?

Я размышляла о том, что останется от меня.

Ночные дежурства. Постоянные разговоры с друзьями

о работе. Двойная нагрузка во время эпидемий гриппа, ОРЗ и черт знает чего еще. Раньше я думала, что эпидемии гриппа бывают только зимой. Теперь они казались мне вне-сезонными. Круглогодичными. Круглосуточными. Максим не приезжал вечерами. Он отменял свидания. Даже в наши все более укорачивающиеся встречи телефонными звонками врывались люди, пытающиеся вылечиться не сходя с дивана. Им нужен был срочный совет врача, они никак не могли подождать до завтра. Я ненавидела их всех – всех этих страждущих и болящих – за то, что они болели. Мне казалось, что они нарочно придумывают себе всякие хвори, чтобы отвлечь Максима от меня.

Я никогда не ожидала обнаружить в себе такую ненависть к больным людям. Я редко болела сама, никогда не лежала в больницах и сейчас упрекала себя за эгоизм и душевную черствость. Я старалась не жаловаться Максиму, я пыталась понять и проникнуться, я целыми днями уговаривала себя не злиться и иметь сострадание. Но не имела.

Он просто не умел отказывать. Ему казалось, что если он не уделит время человеку, обратившемуся к нему за помощью, то совершит предательство, нарушит клятву Гиппократта или что-то еще в этом роде, хотя, по-моему, Гиппократт предостерегал от того, чтобы навредить человеку, а не повелевал исцелить весь мир, не останавливаясь ни на миг в этом благородном деле.

– Даже Иисус, в чьей власти было исцелить всех болящих

мира, – сказала я Максиму, – не посвятил этому всю жизнь. Даже Он уходил от тянущихся к Нему рук, чтобы побыть в уединении и продолжить свой путь.

– У Иисуса была другая задача, – ответил Максим. – Он пришел не как врач, а как учитель. А я обязан лечить людей.

Не находя в себе силы отказывать другим, тем самым он постоянно отказывал мне.

– Ты не можешь исцелить всех больных в мире! Такое ощущение, что ты единственный терапевт в этом городе! – иногда прорывало меня, но я брала себя в руки, призывая на помощь всю силу воли, ибо понимала, что такое глобальное непонимание призвания мужчины может оттолкнуть его.

Иногда я жалела, что не болею сама. Может быть, тогда бы и я попала в число тех, кто нуждается в его времени и заботе. Один раз у меня даже начался жар, но, видимо, ничего серьезного, температура через день спала, и я ничего не добила. Он решил, что я симулирую, хотя температура была вправда. Если бы он в тот день не дежурил, то мог бы в этом убедиться. Я не имею привычки греть градусники под горячей водой. Я сама не знаю, отчего она поднялась. Наверное, от отчаяния.

К лету поток больных наконец схлынул. Я радовалась, что он не дерматолог, потому что наступила пора цветения.

В июне я с божьей помощью закончила университет. В дни моих выпускных экзаменов Максим чуть было не смылся на какую-то конференцию, я ударила в слезы,

и до него, в конце концов, дошло, как мне важно, чтобы он был со мной в это время. Он даже взял отгулы, сразу стал покладистым и предупредительным, принялся кормить меня фруктами и витаминами. Я даже растерялась. Все однокурсницы чуть не умерли от зависти, когда он пришел ко мне на защиту диплома с букетом роз. Пришлось защититься на «отлично». Диплом, правда, все равно был синий. Если бы я знала, что у Максима будет золотая медаль за школу и красный диплом за медицинскую академию, я бы более прилежно отнеслась к учебе на первых курсах: неизвестно еще, сколько раз он помянет мне, что я недотянула до него. Мне даже закралась в голову мысль о втором высшем, более прикладном, чем первое. Но сразу после защиты думать об этом не хотелось, и я оставила ее на потом.

В июле Максим пошел в отпуск. Я прыгала и радовалась, как ребенок. Отпуск у него получился длинный, правда, сразу же после него он уезжал в Москву – как говорил, на разведку. В глубине души я надеялась, что разведка покажет, что делать ему в Москве нечего. Я не могла без него жить. Он был для меня всем. Чем меньше времени оставалось до расставания, тем больше жертв я была готова принести, лишь бы остаться с ним. Но что я могла предложить ему, кроме самой себя и своей жизни? К тому же я невысоко ценила себя, поэтому даже сама себе казалась не очень завидным призом. Моя жизнь была достаточно бестолкова и бесцельна и тоже вряд ли представляла что-то ценное для него.

Я дала себе слово придать ей смысл к Новому году. А заодно похудеть, покрасить волосы или сменить причёску, найти престижную работу и необычное хобби.

В конце июля Максим собирался поехать с друзьями на природу, обещал взять меня с собой. Конечно, конечно, сказала я. Как же я могу остаться одна в городе на целую неделю, когда разлука так близка. И хоть я не особо жаловала его друзей, отказываться не собиралась. К сожалению, ничего хорошего из этого не получилось. Выяснилось, что ему очень неудобно проявлять свои чувства на людях, и потому его отношение ко мне было удручающе нейтральным. Едва ли он общался со мной больше, чем с какой-нибудь другой девушкой в компании, а внимания уделял меньше, чем кому-либо. Я взбунтовалась.

– Ты что, не понимаешь, что я расстаюсь с друзьями на два года! – ответил он. – Ну не могу я сесть рядом с тобой и держать тебя неделю за руку! Я же взял тебя с собой и общаюсь наравне со всеми. И никаким образом тебя не игнорирую.

Я пыталась объяснить, чего мне не хватает, потом поняла, что сама не знаю, чего же именно. Я не могла честно ответить себе на вопрос, чего я хочу от него. Неужели действительно, чтобы он всех бросил и всю неделю держал меня за руку? Наверное, да, но ведь это совершенно бессмысленное требование. К тому же и мне было неловко обниматься и целоваться при его друзьях, а постоянно уединяться было бы невежливо... В общем, я обвинила себя в излишней требовательности.

сти и расплывчатости запросов и отстала от него. Надо сказать, возвращения домой я дожидалась с большим нетерпением.

К Максиму в гости приехали друзья из Москвы, парень и девушка, чтобы взглянуть на красоты уральской природы, и он повел нас в поход по горам. Девушка была высокомерная и самовлюбленная, с первого же дня она вознамерилась покорить сердца всех парней в группе, и меня это бесило. Я пыталась прекратить ее попытки включить Максима в свою свиту, но он сказал, что я веду себя, как собственница. А что, я должна была позволить ей виснуть на нем и делать вид, что ничего не происходит? Он велел мне вести себя более дружелюбно по отношению к его гостям, ведь они проделали такой путь, чтобы навестить его в другом конце страны. Чем больше он защищал ее, тем больше я опасалась, что она имеет на него виды и воспользуется своим шансом, когда он переедет в Москву.

Одна женщина из компании, наблюдавшая за моими терзаниями, вызвала меня на откровенный разговор и предупредила, чтобы я держала себя в руках. Она сказала, что чем больше я цепляюсь за Максима, тем больше он отдаляется от меня, что я выставляю его в дурацком свете перед другими людьми, и это его напрягает. В конце концов, он – публичный человек и вряд ли захочет держать рядом с собой женщину, которая похожа на обезьяну с гранатой. Любой мужчина хочет быть уверенным, что его женщина играет на его

стороне и не компрометирует его на публике своими выходками. Она пыталась быть дружелюбной и призвать меня контролировать свои эмоции, если я хочу сохранить с ним отношения. Хотела ли я сохранить с ним отношения? А разве наши отношения были под угрозой? Я страшно запаниковала и сделала над собой еще одно усилие.

На третий день похода московская девица залезла на смотровую вышку и, испугавшись высоты, отказалась спускаться вниз. Мы потратили полтора часа, чтобы уговорить ее слезть с этой чертовой вышки. Парней веселили ее вопли, они миролюбиво шутили у подножья и давали разные советы по успешному спуску. Казалось, ее поведение и внеплановая задержка совсем не раздражали их, а она получала удовольствие от того, что находилась в центре внимания.

Моя мама учила меня никогда не обременять людей своим обществом, Максим тоже сердился, когда я перетягивала одеяло на себя, а теперь стоял у подножия вышки и посмеивался с другими парнями, наблюдая за попытками москвички слезть с башни. Какого черта эта дура полезла на вышку, если она боится высоты?! Я стояла внизу, бурля от злости, и не могла понять, почему семеро ждут одного. Если бы у меня было охотничье ружье, я бы сняла ее с этой вышки в одну минуту. Максим в очередной раз упрекнул меня в стервозности.

Когда эта мымра спустилась, наконец, на землю, ей понадобилось еще десять минут, чтобы прийти в себя и по оче-

реди обнять всех своих доблестных спасителей. Мысль об охотничьем ружье стала все более навязчивой. Эта девица делала все, что мне было запрещено и нисколько этого не стеснялась. И мужчина, который запрещал мне вести себя эгоистично и продвигать свои интересы, совершенно благосклонно взирал на выходки самовлюбленной девицы из Москвы, называя их очаровательным и непосредственным поведением.

Я всегда любила походы, горы, озера, запах дыма. Я любила песни под гитару и упрощенный походный быт. Но почему-то в этот раз меня уже ничего не трогало. Я оставалась равнодушной к рассветам, закатам, брэнчанию гитары и прочим радостям походной жизни. Я казалась себе больной и смертельно уставшей и жалела, что ввязалась в это мероприятие. Может, потому что это были не мои, а его друзья?

Его друзья – это отдельная тема. Они были точно такие же, как коллеги – постоянно ждали от него помощи. С кем-то он ремонтировал машину, с кем-то клеил обои, кому-то помогал сажать картошку, кому-то – выпутаться из нехорошей истории. Такое ощущение, что его друзья были самые беспомощные люди на свете. Они не могли без него ничего.

Теперь я очень хорошо понимала, почему все были в восторге от Максима. Где еще найдешь такого безотказного человека, такого энтузиаста, альтруиста, филантропа или как его еще назвать, на которого можно было бы смело спихивать столько поручений, дел и обязанностей!

Сначала Максим пытался брать меня с собой в гости к друзьям, но я слонялась по дому, не зная куда себя приложить, пока они горячо что-то обсуждали, или зевала за столом вместе с женщинами, пока мужчины что-нибудь клеили или отрывали. Вскоре я отказалась терять время на подобные визиты. Он стал ходить без меня, что тоже не доставило мне радости.

Его друзья уже не жаждали меня видеть. Они довольно быстро поняли, что погорячились, найдя девушку для своей палочки-выручалочки. Ведь эта девушка немедленно требовала часть его времени и внимания, которые безраздельно принадлежали им. А когда она станет законной женой, они вообще потеряют незаменимого помощника и психотерапевта. Если Максим будет проводить все время с женой, кто станет вникать в их бесконечные проблемы и тревоги?

Его ежедневник походил на школьное расписание. В нем не было живого места. Все встречи и мероприятия были расписаны на две недели вперед. Когда я звонила ему и спрашивала, не хочет ли он пойти со мной на спектакль в среду вечером, он доставал ежедневник и вписывал меня туда – если вписывал! А ведь у него был отпуск!

Меня это выводило из себя, но я молчала. Если бы я могла безнаказанно выбросить в мусоропровод кое-какие вещички из его обихода, то это были бы мобильный телефон, часы и ежедневник. В каком-то женском журнале я обнаружила, что у меня масса единомышленниц. Значит, все-таки мои

требования обоснованны?

В глубине души я понимала, что он не может заниматься только мной. В глубине души я понимала, что для любого мужчины работа не менее важна, чем семья. В глубине души я понимала, что очень сложно выбирать между друзьями и любимой женщиной. Тем более, что друзья – уже проверенные годами люди, а женщина – недавно приобретенная, еще на испытательном сроке.

Я с ностальгией вспоминала первые недели нашего романа, когда мы слонялись по городу ночи напролет, и я одна заполняла его мысли, он говорил все эти восхитительные глупости, которые говорят влюбленные мужчины, мы могли идти несколько километров от центрального кинотеатра до дома пешком, и нам не было скучно друг с другом, он прижимал меня к себе и говорил, что я единственная в его сердце, что ему необыкновенно повезло встретить меня...

Три счастливых дня... было у меня... было у меня с тобой...

А потом он вдруг спохватился, вспомнил про свои дела – и мое короткое женское счастье закончилось. А впереди предстояли годы и годы служения своему мужу и его великому Делу, постоянное самоотречение и подавление своего недовольства. Нет, я вовсе не пугалась своей роли. Я всю жизнь хотела быть верной спутницей и соратницей своего мужа. Я мечтала, чтобы у моего мужчины был высокий статус – какой-нибудь политик, генерал или посол – и он будет

постоянно на виду, и я буду создавать ему нужный фон, и все будут говорить, что ему очень повезло с женой... И вот я каждый день убеждалась, что я эгоистка, что я не могу отречься от своих интересов ради блестящего будущего своего мужчины... И самое худшее, что он это видел.

6

Конечно, я не пошла работать в июне. До того ли было. Из общежития пришлось выселиться, и я переехала на квартиру к подружке по коммунальному быту, которая совсем недавно получила ее в наследство от двоюродной бабки и еще не успела обжить. Ну почему, почему у меня нет никакой двоюродной бабки в Омске, которая могла бы оставить мне квартиру в наследство! Или даже не надо наследства, хотя бы просто пустила к себе жить! Искать жилье самостоятельно я не умела, и мне нечем было его оплачивать. Конечно, я собиралась искать работу и зарабатывать деньги, но тоже не умела ни того, ни другого. Все, что я умела – это рассуждать, как это лучше делать. Юлька собиралась с сентября идти преподавать в школу, поэтому могла себе позволить расслабиться на время летних каникул. Что она и сделала, укатив к родственникам в Питер.

В свою квартиру она меня пустила довольно охотно: после пяти лет общежития у нее четко сложилось представление, что все – общее. Или она просто оказалась добрым, щедрым

человеком.

Жилище хранило дух прежних хозяев – старая и запущенная «сталинка» с высоченными потолками, бывшая коммуналка, разделенная на две отдельные квартиры. Раньше здесь обитала древняя бабка с сумасшедшей дочерью. Дочь умерла в психиатрической больнице, бабка дожила свои годы дома. Квартира была полна старой мебели и пропитана особым старушечьим запахом, а разошедшиеся шкафы до сих пор хранили старые вещи, фотографии, одежду.

Этот дом не принимал меня, и я чувствовала себя очень неудобно. Подолгу ворочаясь вечерами на скрипучей кровати, я старалась не думать о бывших жильцах. Воображение разыгрывалось не на шутку, и мне казалось, что призрак чужой бабки или ее сумасшедшей дочери вполне может бродить по коридору и продолжать жить своей жизнью. По крайней мере, по ночам. И вряд ли ему понравится, что в его доме живет какая-то посторонняя девица. Я даже пыталась разговаривать с ним. Не зная, к кому обращаюсь, я на всякий случай вежливо сообщала, что меня зовут Полина, я подруга Юли, и Юля разрешила мне пожить здесь до сентября.

– Я хорошая девочка, – на всякий случай добавляла я, – я не буду шуметь в доме и ничего не испорчу. Вы уж простите, что пришлось занять хозяйскую кровать. Я поживу тут до конца лета. Вы позволите?

Скрипы и воображаемые шаги продолжались, но никто меня не трогал. Я стала перед сном негромко включать радио

на кухне, чтобы оно заглушало остальные звуки в пугающей тишине квартиры, и привыкла засыпать под его монотонное бормотание. Днем жаловалась Максиму на свои страхи, он проверял замки на дверях, заглядывал в шкафы, пожимал плечами, и я начинала чувствовать себя неловко. Мои ночные фантазии казались совершенно нелепыми и мне самой – но днем.

С Максимом обсуждать это было бессмысленно. Он объяснял мою повышенную тревожность тем, что я никогда не жила одна, но надо же когда-то начинать. Тогда я звонила маме, говорила, что мне здесь неуютно, что все здесь чужое.

– Ты представляешь, я до сих пор не распаковала чемоданы. Так не хочется возвращаться в эту квартиру после работы. Даже не хочется пользоваться посудой, которая стоит в буфете. Варю одни пельмени.

– А ты сделай генеральную уборку, – предложила мама, – вымой окна, постирай шторы... Переставь мебель – чисто символически. Тогда у тебя появится ощущение причастности к этому жилью. Распакуй вещи, развесь одежду на плечики и по стульям, расставь по полкам фотографии и книжки. Твой взгляд будет останавливаться на привычных и любимых вещах, и ты перестанешь чувствовать себя чужой.

Я ей не поверила. Только спустя годы, поменяв с десятков квартир, я научилась устраивать себе дом везде, куда забрасывает меня судьба.

Впервые в моей омской жизни у меня появился домаш-

ний телефон, и теперь я имела счастье быть предупрежденной, что меня не посетят нынче вечером. Жила я довольно бестолково, деньги улетучивались с катастрофической быстротой. Максим все чаще предлагал оплатить что-нибудь, и я чувствовала себя содержанкой: я не привыкла жить на деньги мужчин, до сих пор их всегда давали родители. Но смена жилья и образа жизни больно ударила по карману. Где-то я не рассчитала расходов, где-то переплатила. Переламывая собственную гордость, я позволяла Максиму то купить мне проездной, то рассчитаться с водопроводчиком, который поменял прорвавшийся кран. В конце месяца пришел счет за междугородние переговоры с мамой. Как-то в минуту душевной тревоги я устроила по телефону истерику и потеряла счет времени. Максим не стал даже спрашивать, как я умудрилась говорить по междугородке полтора часа.

– Счастье, что твоя мама не живет в Хабаровске, – просто сказал он.

Он никогда не попрекал меня деньгами, но мне было тошно.

На улице стояла невыносимая жара. Целыми днями я валялась с книжкой на диване и ждала его. Ревела, если он не приходил. Ждала звонка. Ревела, если не дожидалась. Иногда сама звонила, когда совсем вешалась от скуки и одиночества. Хотелось сохранить хоть какие-то остатки гордости, но получалось плохо.

Все мои друзья разъехались на лето. Кое-кто, конечно,

остался, но близких не было, а остальных не хотелось видеть. Побывала на двух свадьбах. Стало еще тоскливее. Замуж выходили даже те, у кого не было никаких шансов. Выходили менее красивые, менее молодые, менее образованные, менее покладистые. Выходили все. Я сидела в чужой квартире, дни напролет ждала возлюбленного, а он не оправдывал этих ожиданий. Порой у меня прорывались жалобы, но немедленно гасли под его строгим взглядом.

Он злился, что у меня нет никаких дел, что я пытаюсь наполнить им весь свой день, а он, извините, не резиновый. Я сразу же замолкала и пыталась придумать себе занятия. В конце концов, я не выдержала и устроилась на работу. Почти по специальности (в ближайшую библиотеку) на летний период: там почти все ушли в отпуска. Деньги, конечно, были никакие, но и работа – не бей лежачего, даже не полный день. Так что времени все равно оставалось много. Теперь в нерабочее время я слонялась по улицам и заставляла себя ходить по гостям. Я пыталась создать видимость, что поддерживаю отношения с друзьями и у меня есть какие-то другие интересы, кроме Максима. Все это была фикция чистой воды. Но он верил или хотел верить, и я продолжала делать вид, что чем-то занята.

Я не понимала, куда все делось, – друзья, дела, интересы, хобби. Все словно вымерло. Учеба закончилась, общежитие закрыли, подруги разъехались по родителям. Один этап жизни завершился, а другой еще не начался. Я жила

в чужой квартире, в незнакомом районе города, и для меня это было все равно, что другой город. Снова и снова возвращалась я к общежитию, заходила внутрь, бродила по коридорам. В этих стенах прошло пять лет, столько всего было! А теперь ничего нет. Я слонялась там целый месяц, пока в здании не начался ремонт. Как-то наступила на свежеразкрашенный пол – меня выгнали и велели больше не появляться. Я оскорбилась. Я продолжала считать общежитие своим домом, но никто не хотел вникать в мои душевные переживания.

7

Женщина должна быть легкой, жизнерадостной и необременительной. Она должна украшать жизнь мужчины, расслаблять его после тяжелого рабочего дня. Расслаблять, а не напрягать. Иначе он пойдет расслабляться в другое место. И Максим шел к друзьям. Потому что у друзей не было проблем с жильем, работой, деньгами и смыслом жизни одновременно. А я все больше хандрила, каждый день плакала по самым разным поводам, не знала, куда себя приложить, и понимала, что с каждым днем все больше теряю его.

– У тебя депрессия, – сказал он.

– Я думала, что депрессии бывают только послеродовые.

– У женщин депрессии бывают во все периоды жизни и по самым разным поводам.

Я испугалась. Можно ли любить женщину, которая впала в депрессию? Я тут же предприняла некоторые усилия, чтобы встряхнуться, но у меня мало что получилось. Я засыпала на ходу, утешала себя едой и не желала слезать с дивана.

– А ты часом не беременна ли? – спросил он.

Сначала я хотела сразу ответить «нет». Потом мне сильно хотелось сказать «да» и даже сделать, чтобы это было так: пусть не едет ни в какую Москву, а остается со мной. Потом я сообразила, что он не простит обмана и бросит меня.

– Не знаю, – замявшись, пробормотала я и вздохнула с облегчением. Действительно, как можно знать наверняка?

– А когда будешь знать точно? – было видно, что он очень обеспокоился.

– Надо подождать пару недель.

– Может, тебя сводить к врачу?

– В этом нет никакой необходимости, все выяснится в свое время. Торопиться ни к чему, аборт я все равно делать не собираюсь.

Смело сказано. Интересно, как бы я выкручивалась в нынешней ситуации с младенцем на руках. Конечно, я уповала на порядочность Максима. Он ведь вообще был олицетворением порядочности. Он даже отказывался спать со мной первые месяцы после знакомства, пока я не заподозрила его в нетрадиционной ориентации. По сути дела, это был шантаж, принуждение к сожительству, но меня оскорбляло подобное равнодушие к моим женским чарам. Тоже мне стойк.

С этого дня Максим стал со мной предельно осторожен. Даже приходил теперь каждый день. Он звонил мне в два раза чаще, и на столе снова появились цветы. Мне ужасно захотелось забеременеть на самом деле, но он больше не прикасался ко мне. И не оставался на ночь. Это было очень обидно, потому что я никогда всерьез не думала женить его на себе через ребенка.

Когда подошел срок, и я призналась, что все-таки не беременна, он даже не посчитал нужным скрывать облегчение. Он сразу повеселел, стал что-то насвистывать, и я только тогда поняла, в каком напряжении он жил эти две недели. Он повел меня в кафе, мы провели чудесный вечер, но он под конец все испортил, вздумав извиняться за то, что подверг меня такому риску. Он, видите ли, сто раз пожалел, что вступил со мной в «интимные отношения»! Мол, слишком большой риск накануне столь длительной разлуки. Я не выдержала и разревелась. Он меня оскорбил. Я вас, мадам, поцеловал сгоряча, не удержался, ах, извините, я негодяй, подобное никогда больше не повторится, можете быть спокойны.

О том, чтобы взять меня в Москву, не шло и речи. Я просто решила для себя, что буду ждать его возвращения, как самая преданная из женщин, даже если из-за этого мне еще два года придется ходить незамужней. Но в глубине души я, конечно, надеялась, что, может быть, он соскучится и забереет все-таки меня с собой в следующие каникулы. Или сам сбежит из этой Москвы.

Москву я уже ненавидела. Она забирала у меня любимого человека. А поскольку в моей жизни не было ничего важнее его, то она, по сути, забирала у меня саму жизнь.

Незадолго до отъезда он затеял дурацкий разговор о перспективе наших отношений.

– Слушай, а стоит ли связывать друг друга какими-либо обещаниями на столь долгое время?

Я рассердилась.

– Тысячи девушек провожают своих парней в армию на такой же срок и дожидаются их.

– Беда в том, что ты делаешь на меня слишком большую ставку, а я, может быть, не стою того. Ты же знаешь, я человек занятой, суетливый, не могу сидеть на месте. Будущее пока очень неопределенное, скорее всего, так все и останется – сплошные дела да разъезды. Я все время буду уезжать, а ты – ждать меня, обижаться, зачем тебе это? Да и цели у нас в жизни разные, ты ведь не одобряешь ни работу мою, ни друзей... Зря ты связываешь себя обещаниями, за два года найдешь себе кого-то более тихого, семейного, более внимательного...

Я разревелась. Мне казалось, он пытается от меня отвяжаться. Я перестала быть притягательной для него, он хотел снова быть свободным для Москвы, для новой жизни. Для новой женщины, может быть.

– Я не смогу без тебя, – сказала я.

Конечно, по всем правилам я никогда не должна была

произносить подобную фразу. Но к черту правила! Я не могла без него жить, а он уезжал! На целых два года! За две тысячи километров!

8

Многочисленная родня Максима, тоже не представлявшая своей жизни без него, партиями приезжала навестить его на прощание. Мне казалось, этому каравану родственников никогда не будет конца. Каждый из них требовал его времени, и это время неизбежно черпалось из моей казны.

– Ты же понимаешь, – говорил он, – многие ведь совсем не знают города, должен же их кто-то сопровождать. И чем им заняться днем, когда мама на работе? К тому же они приехали именно ко мне, конечно, я не могу их оставить.

И потому он неизменно оставлял меня.

– Но я же не бросаю тебя ради своих дел и подружек, – возмутилась я.

Он пожал плечами:

– Разве я возражаю, чтобы у тебя были свои дела и подружки? Это и есть свобода.

В этом было какое-то противоречие: он требовал для себя свободы, взамен предоставляя свободу мне. Но мне она была не нужна, мне нужен был Максим.

Нет, нет, я же все понимаю, я все прекрасно понимаю, внушала я себе целыми днями, Максим не моя собствен-

ность, он свободный самостоятельный человек, у него должна быть своя жизнь. У меня тоже. Своя. Но почему-то своей жизни у меня без него не получалось. Я придумывала себе занятия, но ничего не захватывало меня. Я пыталась навещать знакомых, но мне было не о чем с ними говорить. Я изнывала в гостях и ждала вечера, чтобы бежать к своему мужчине. А он бежал от меня.

Я не могла дождаться, когда поток родственников наконец иссякнет. Времени до отъезда оставалось все меньше, я надеялась, что Максим все-таки пошлет всех к черту и скажет, что хочет побыть несколько дней со своей девушкой. Я мечтала, что однажды он прибежит рано утром и предложит: давай все бросим и поедem куда-нибудь в горы (на озеро, на базу отдыха, в деревню – да куда угодно, только подальше от всех). И я все брошу, соберу вещички в считанные минуты и поеду.

Но вместо этого он пришел и сообщил, что едет после обеда в Екатеринбург оформлять визу какой-то знакомой. Я не удивилась. У Максима нет знакомых, которые в состоянии оформить визу, сделать ремонт и написать реферат без его помощи. Такое ощущение, что он собрал целую коллекцию абсолютно несамостоятельных людей и назвал их своими друзьями. Несколько лет назад он с этой знакомой ездил за границу и в тот раз сам готовил все документы. Теперь он будет ее личным Оформителем Виз до конца жизни. Впрочем, у него в Екатеринбурге тоже есть друзья, не исключено,

что он хотел повидать их перед отъездом.

Максим обещал вернуться к вечеру следующего дня: у одной его приятельницы был день рождения, и он хотел успеть на вечеринку. Я покорила. Меня на вечеринку не пригласили.

На следующий день в квартиру, где я жила, приехали родители Юльки. Не застав дочь в городе, они не очень расстроились, расположились как у себя дома и затеяли генеральную уборку, совмещенную с мелким ремонтом. Меня подвинули, точно мебель. В конце концов, это была их квартира, а я совершенно посторонний человек, который живет там из милости.

Почувствовав себя лишней, я смылась из дома и весь день бродила по городу, воображая себе, как мы будем все вместе ночевать в полупорке. Интересно, нет ли возможности пристроиться к кому-нибудь на ночь? У меня были ключи от библиотеки, где я работала, летом, кроме меня, там почти никого не было, и я на всякий случай заглянула туда осмотреть помещение под новым ракурсом. Из спальных мест обнаружила только маленький диванчик в читальном зале. Посидела на нем полчаса, поплакала от жалости к себе, но не осталась. Ночами в библиотеке неуютно, а я такая трусиха. Даже по утрам, открывая помещение, сначала включала повсюду свет и обходила залы, вздрагивая от каждого шороха. А тут провести всю ночь в лабиринте книжных шкафов... Библиотеку пришлось покинуть.

Мне было грустно. Во всем этом огромном городе у меня не было своего угла. Пять лет Омск был мне родным городом, пять лет у меня был дом. А сейчас я брожу как привидение по улицам, и мне некуда пристроиться на ночлег. Впрочем, не в ночлеге дело. Никто бы не выгнал меня в ночь из Юлькиной квартиры. Дело было в неприкаянности и бездомности души. Это моя душа бродила по большому городу, и спального места под крышей ей было недостаточно. Ей хотелось отыскать гавань, где можно укрыться, вернуть свою надежную прочную раковину, откуда ее так бесцеремонно вытряхнули обстоятельства.

К восьми вечера я добрела до дома Максима и чуть ли не час топталась перед домофоном, не решаясь позвонить: а вдруг он приехал уставший и хочет отдохнуть, а тут я приперлась вешать на него свои проблемы. Но его мама сказала, что он еще не возвращался. Предложила подняться. Я отказалась. Я была не в том состоянии, чтобы производить впечатление на его родителей. Пошла на остановку и села на скамейку. Когда бы он ни приехал, здесь я его смогу встретить первая.

Я ждала до половины одиннадцатого, мимо меня проехало более сорока троллейбусов. Максим не появился. Я побрела на телеграф поговорить с мамой, но не выдержала и расплакалась, рассказывая, как брожу неприкаянная по улицам и мне некуда податься.

– Приезжай домой первым же утренним поездом, – велела

мама, – нечего валять дурака в городе.

Я, конечно, не поехала. У мамы тепло и сытно, но я должна быть там, где мой мужчина. По крайней мере, оставшиеся дни.

Я еще раз дошла до Максима, убедилась, что его нет, и вернулась на остановку. Может быть, екатеринбургские друзья полгода ждали его, чтобы он помог им с ремонтом и теперь так просто не отпустят. Беспомощная приятельница Максима, которая сорвала его из города в такой неблагоприятный для меня момент, казалась едва ли не главной причиной моего несчастья. Я не знала, сложно ли оформлять визы в Великобританию, но вряд ли в ее случае это было делом жизни и смерти. Обыкновенная занудная конференция занудных преподавателей – таких же унылых теток, как она сама. Я ненавидела ее со всей самозабвенностью, как маленький ребенок ненавидит тетю, которая пришла в гости и забирает мамино внимание. Ребенку все равно, серьезен ли разговор взрослых и обоснованны ли его претензии. Ему плохо, а мама занята тетей. Вывод: тетя – основной враг.

Одинокó ссутулившись на скамейке, я чувствовала себя потерявшейся собачонкой, ожидавшей хозяина. Мне было жалко себя, я сидела и плакала, резко утирая лицо, как только подходил очередной троллейбус. Мне не хотелось, чтобы Максим видел мои слезы, он не любил женских слез. И не хотелось, чтобы он видел, до какого жалкого состояния я дошла.

На улице темнело, прохожих становилось все меньше, пьяных все больше. Я ежилась от холода, но не уходила. Вокруг собирались алкаши, бомжи и проститутки. Хорошенькая компания для девушки из приличной семьи, привыкшей возвращаться домой до наступления темноты. Крапал дождь. Мерзкий такой, редкий и холодный. Но мне было все равно. Мне хотелось промокнуть, заболеть и умереть. Я бы, наверно, так и заночевала на скамейке, если бы меня не попытался снять какой-то мужик. Я чесанула от него, забыв про все свои напасти, и вернулась домой. Вернее, в дом, где меня никто не ждал. В кухне что-то жарили, в ванной мылись, в комнате смотрели телевизор. Я почувствовала себя еще более несчастной, потому что мне было даже негде спрятаться и выплакаться. Пристроилась куда-то в уголок и уснула под шум телевизора. Раньше я никогда не засыпала при свете.

Максим позвонил на следующий день мне на работу. Мой голос был холоден, как металл. Я ненавидела себя за то, что опустила до ожиданий на остановке. Я ненавидела его за то, что он был бодр и весел. Нет, он не появится сегодня, мама просит помочь в саду, она и так его все лето не видит. Когда он вернулся? Вчера вечером, около шести. Нет, не домой, сразу поехал на день рождения. Да, было очень весело. Имениннице подарили новенький унитаз, обернутый ленточкой, взамен ее разбитого. Было очень смешно.

Я положила трубку и долго смотрела в окно на морозя-

щий дождь. Мне хотелось умереть. Просто пойти и выпить чего-нибудь ядовитого.

Я много раз рассказывала эту историю с унитазом своим знакомым. Все очень смеялись. Говорили, что я отменная язва. Они ведь не знали, что даже много лет спустя эта смешная история оставалась для меня пропитана горечью и болью, которые я пыталась обратить против всего света.

9

День его отъезда выдался пасмурным, а под вечер разразился дождем. Для тех, кто уезжает, говорят, хорошо дождь в дорогу. Провожаящие же вымокли до нитки. Нас собралась толпа, как на митинг. Явились все друзья, родственники, коллеги, даже пациенты. Я жалела, что Максим не полетел самолетом. Небось на семичасовой рейс в аэропорт не приперлось бы полгорода, не то что в воскресенье к вечернему поезду. Я бродила неприкаянная по перрону, вызывая недоуменные взгляды его друзей. Они не понимали, почему Максим не прижимает меня к себе. Я тоже не понимала.

Накануне он был очень мил и ласков. Надарил мне кучу подарков. Сказал, что будет скучать. Просил писать ему почаще. Называл всякими ласковыми словами. Велел сразу же сообщить ему, как только я найду постоянную работу и жилье. Обещал приехать на Новый год. Это было вчера. А сегодня стоит и опять ведет эти бесконечные разговоры. А я, как

мокрая курица, шагаю вдоль состава, даже без зонта, и пинаю лужи. Я вообще не понимала, зачем пришла. Следовало проститься с ним дома. Меньше страданий. Меньше косях взглядов. Я знаю, что он не любит проявлять нежности на людях. Но не кажется ли ему, что именно этого все ждут от него по отношению ко мне? Особенно я! Наверно, не кажется, раз он сегодня даже ни разу не поцеловал меня. Век ему этого не прощу.

Я возвращалась на машине с одной знакомой. Она пыталась меня насчет планов на будущее. Я что-то вяло отвечала. Дождь с размаху швырял капли в лобовое стекло, они сливались в ручейки и стекали на капот. Ночной город был окутан пеленой дождя и заляпан расплывчатыми пятнами автомобильных огней. Неумолимо приближалась осень. Межсезонье, межсезонье, разлучальная пора... Скоро полетят листья, птицы и чьи-то надежды. Наша любовь, как в дешевом бульварном романе, началась весной и закончилась осенью. Он уехал, так и не прикоснувшись ко мне. За весь день у него не нашлось для меня времени. А ведь он не увидит меня до самого Нового года...

Я чувствовала себя, как будто меня переехал грузовик.

Часть вторая

1

Пережив потерю Максима, я вскоре оправилась. Родители отправили меня подлечить нервы в Европу. Там я встретила замечательного немца-француза-американца, который, в отличие от моих соотечественников, оказался способен оценить мою тягу к домашнему очагу. Он увез меня к себе на родину, где мы поселились в просторном двухэтажном доме, и абсолютно не имел ничего против того, чтобы я не работала и занималась нашими тремя детьми. И, конечно же, он всю жизнь был горд, что у него русская жена, да еще такая удивительная. А герой прошлого романа до конца дней кусал локти в своей России, так никогда и не женился, потому что не встретил никого лучше меня. Его мама прожила до девяноста лет, отравив ему окончательно все существование, он стал брюзгой и не переставал каяться, что не женился на единственной девушке, которую когда-то любил. Конечно, мы виделись пару раз еще в молодости, когда я уже была счастливо замужем, а он уже достаточно разочарован в жизни, и он был у моих ног и просил вернуться, а я гордо повела плечиком и сказала, что другому отдана и буду век ему верна.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.